

Вдруг кто-то сзади подхватил Жун Хэна на руки.

— Не дождёшься, Жун Хэн! Я на это не куплюсь!

Жун Хэн обернулся и потрясённо уставился на Цинь Ибао, который, как ему казалось, уже ушёл.

— Ты... ты почему...

— Мой младший папа говорил: чем толще у человека кожа, тем счастливее он живёт. А ты, Жун Хэн, слишком дорожишь своим лицом!

Лицо Жун Хэна было мокрым от слёз. Он поспешно вытер их рукавом. Цинь Ибао рассмеялся:

— Даже когда так ревёшь, всё равно не урод. Хватит уже любоваться собой!

Жун Хэн не обратил на него внимания и принялся приводить себя в порядок.

Тут Цинь Ибао вдруг понял, что никогда как следует не рассматривал Жун Хэна. Оказывается, кожа у него была такой светлой и гладкой.

Его глаза-фениксы слегка поднимались к уголкам. Когда он сердился, сперва краснели внешние уголки глаз, потом кончик носа. Это выглядело удивительно мило.

Губы у него были тонкие, с отчётливым изгибом верхней губы. Вот только рот этот совершенно не умел говорить нормально. Наверное, такие губы и целовать неудобно.

Цинь Ибао резко опомнился. О чём он вообще думает? Жун Хэн — такой же мужчина ростом в восемь чи, как он сам! Почему он смотрит на губы мужчины и размышляет, удобно ли их целовать?

Он мотнул головой:

— Пойдём. Я угощаю, выпьем!

Жун Хэн не двинулся. Цинь Ибао решил, что тот всё ещё злится, и улыбнулся:

— Я уже выставил себя последним подлецом. Ты всё ещё сердишься?

Слова, сказанные десять лет назад, через десять лет смачно ударили его самого по лицу.

Жун Хэн вдруг сказал:

— Я хочу выпить в доме удовольствий. Осмелишься пойти?

Цинь Ибао застыл. Дома ему действительно запрещали ходить по таким местам, но Жун Хэн только что потерял жену и, наверное, хотел... Раз уж брату нужно было это, он не мог не составить ему компанию.

Он великодушно махнул рукой:

— Да что тут такого? Пойдём!

Они заказали отдельную комнату в «Чуньюэлоу». Цинь Ибао изрядно захмелел, лёг грудью на стол и начал жаловаться:

— Жун Хэн, ну какой же ты после этого брат? Столько лет — и ты оказался таким жестоким! Я всё ждал, когда мы помиримся.

Жун Хэн, бессовестный ты человек! Если бы я сам не заговорил, ты что, всю жизнь собирался меня игнорировать?

Я же так хорошо к тебе отношусь! А у тебя сердца нет. Да, я постоянно говорю, что побью тебя, но разве я хоть раз на самом деле тебя ударил? Это ты меня бил сколько угодно!

Глядя на пьяного Цинь Ибао, Жун Хэн улыбнулся.

— Да. Я знаю, что ты меня не ударишь. Поэтому я нарочно тебя злил — хотел видеть, как ты из-за меня радуешься, как сердишься. Я хотел, чтобы в твоих глазах был только я.

— А? Что ты сказал?

Цинь Ибао не расслышал. Он попытался налить ещё, увидел, что кувшин пуст, и поднялся, собираясь пойти за хозяйкой и потребовать вина.

Жун Хэн внезапно обнял его со спины. Цинь Ибао пошатнулся.

— Ты что делаешь?!

— Дружеские объятия. Помнишь, как мы дрались в детстве и император-супруг велел нам обняться? Тогда первым был ты. Может, сегодня моя очередь?

Цинь Ибао вспомнил их детский позор и посмотрел на Жун Хэна, в глазах которого мерцал свет. Вдруг во рту пересохло, а в голове прозвучала одна мысль: интересно, каково целовать губы Жун Хэна?

Он смотрел на эти тонкие, светло-розовые губы. Наверное, целовать их было бы приятно. Словно утратив контроль над собой, он наклонился и поцеловал их.

Жун Хэн на мгновение оцепенел, а затем крепко обнял Цинь Ибао и яростно ответил на поцелуй.

Они целовались, позабыв обо всём, и никто из них уже не понял, кто первым повалился на кровать.

Жун Хэн подумал: даже если завтра Цинь Ибао захочет его убить — пусть.

Ему нужна только эта единственная ночь.

После неё, даже если они больше никогда не встретятся, одного этого воспоминания хватит, чтобы утешать его до конца жизни.

—

Цинь Ибао посмотрел на кровать, на которую было страшно глядеть, потом на лежавшего рядом Жун Хэна, всё тело которого было в синяках, и с размаху влепил себе пощёчину.

От этого движения Жун Хэн проснулся. Их взгляды встретились, и обоим стало неловко.

— Я... я... — Цинь Ибао чувствовал, что сейчас любое слово будет неправильным. Ошибся именно он.

Жун Хэн поспешно прикрылся одеялом, потом вдруг замер, отбросил его и, совершенно обнажённый, принялся одеваться.

Он спокойно сказал:

— Не придавай значения. Просто потеряли голову после выпивки. Между мужчинами такое бывает. К тому же прошлой ночью первым начал я.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты и с другими мужчинами спал?

— А вот это уже не твоё дело!

Цинь Ибао разозлился:

— Жун Хэн, хочешь меня злить — зли, но не унижай себя такими словами!

Жун Хэн покосился на него:

— Это правда. Иначе откуда бы я знал, как мужчины делают это друг с другом?

Цинь Ибао неверяще смотрел на него, словно раненый лев.

— Жун Хэн, ты меня разочаровал!

Он встал, оделся и ушёл.

Будь Цинь Ибао хоть немного внимательнее, он заметил бы, как дрожит тело Жун Хэна и как побелели кончики его пальцев.

Жун Хэн сел на край кровати и улыбнулся:

— Так даже лучше. Теперь ты не будешь чувствовать вину и не станешь думать, что предал жену. Пусть всё это останется на мне.

—

Вечером Му Нин ворочался в постели и никак не мог уснуть. Он толкнул Цинь Яня:

— Братец Сяоянь, что-то с Ибао не так. С тех пор как вчера вернулся, заперся у себя. А перед этим всю ночь не приходил. Неужели...

Цинь Янь вздохнул:

— Что бы он ни натворил снаружи, он уже сам отец. Пусть разбирается сам.

Му Нин вздохнул. Он тоже понимал, что дела детей в конце концов должны решать сами дети.

На самом деле, выйдя из «Чуньюэлоу», Цинь Ибао уже всё понял. Как мог Жун Хэн спать с кем-то раньше? Пусть он и был пьян, память у него сохранилась.

Жун Хэн был таким неопытным, даже целоваться толком не умел. Разве так выглядит человек,

который уже спал с мужчинами? Он снова его обманул!

После этого они вновь вернулись к прежней жизни: встречались и молчали. Только теперь во взгляде Цинь Ибао появилось что-то, чего Жун Хэн не мог понять.

Прошло ещё три года. Внезапная тяжёлая простуда унесла жизнь госпожи из генеральской резиденции.

Теперь Цинь Ибао, как и Жун Хэн, тоже стал вдовцом.

Жун Хэн ехал в экипаже домой, когда дорогу ему вдруг преградили.

Кучер поспешно остановил лошадей:

— Наследник, молодой генерал Цинь...

Жун Хэн уже увидел его. Он вышел из экипажа и приказал:

— Возвращайся без меня.

Пьяный Цинь Ибао с красными глазами закричал:

— Лжец! Ты вечно меня обманываешь! Наговорил тогда всякого, чтобы выставить меня за дверь. Доволен теперь?!

— Я не хотел, чтобы ты чувствовал себя виноватым, — спокойно ответил Жун Хэн.

— Кто тебя просил думать за меня?! Ты, мать твою, точно напрашиваешься на побои!

Цинь Ибао замахнулся. Но когда кулак остановился всего в половине цуня от лица Жун Хэна, он вдруг разжал пальцы и мягко коснулся его щеки.

С болью в голосе он спросил:

— Тогда... было больно?

Жун Хэн словно не знал, как реагировать на такую нежность Цинь Ибао. Он ошеломлённо кивнул.

Цинь Ибао внезапно обнял его и расплакался:

— Жун Хэн, ты ведь любишь меня, да? Мать твою, ты правда меня любишь?!

Жун Хэн промолчал. Лишь спустя долгое время тихо сказал:

— Только сейчас понял, дурак.

— Да, я дурак. Даже того, что ты меня любишь, не заметил.

Он провёл рукой по исхудавшей щеке Жун Хэна.

— Мы слишком многое упустили. Теперь я всегда буду рядом с тобой. Хорошо?

Жун Хэн крепко обнял Цинь Ибао. Слеза за слезой впитывались в его одежду.

— Я хочу, чтобы отныне и в твоих глазах, и в сердце был только я. Я — и больше никто!

Цинь Ибао рассмеялся:

— Ты и правда такой же жадный, как в детстве.

— Я всегда таким был.

Цинь Ибао обнял его и улыбался. Жун Хэн положил голову ему на плечо и тоже улыбнулся.

—

Цинь Ибао и Жун Хэн каждый день были так близки, словно стали одним человеком. Узнав об этом, княгиня Сян не смогла смириться и пришла во двор сына.

— Хэнзэр, я слышала, ты в последнее время помирился с этим Цинем?

Жун Хэн даже не представлял, откуда почти не выходящая из дома мать всё узнала.

Он ответил:

— Не помирился.

Княгиня Сян облегчённо улыбнулась:

— Вот и правильно. Его младший папа — человек нехороший. Не связывайся с их семьёй.

Кстати, ты смотрел портреты, которые я тебе прислала? Там все девушки едва за десять с лишним лет, чистые, здоровые, рожать будут легко!

Жун Хэн спокойно сказал:

— Матушка, я и Цинь Ибао теперь вместе. В будущем мы поженимся.

Грохот!

Княгиня Сян от потрясения свалилась со стула прямо на пол.

— Что ты сказал? Хэнъэр, ты... в тебя нечисть вселилась? Не пугай матушку!

— Матушка, я всего лишь ставлю вас в известность.

— Не разрешаю! Не разрешаю!

Княгиня Сян каждый день устраивала дома скандалы. А вот семья Цинь отнеслась к выбору Цинь Ибао с уважением. Му Нин ничего не имел против Жун Хэна — ему не нравилась лишь его мать. Но переносить вражду старшего поколения на младших он не собирался.

Поскольку княгиня Сян без конца шумела, Жун Хэн забрал сына и переехал в дом, который они с Цинь Ибао держали снаружи.

Тут княгиня Сян окончательно растерялась. Князь Сян, напротив, ни во что не вмешивался и считал, что всё устроилось очень даже хорошо: теперь не нужно беспокоиться о внуке, да ещё и сын связался с таким способным человеком. Он был вполне доволен.

Каждый день он попивал вино, слушал песенки и совершенно не видел проблемы.

Княгиня Сян от злости прямо заболела. После этого шуметь в резиденции стало некому, и огромный княжеский дом внезапно опустел и затих.

—

Цинь Ибао и Жун Хэн устроили свадьбу, когда обоим исполнилось сорок пять. Тогда вся

столица была потрясена.

Те, кто знал их историю, вздыхали: после стольких поворотов и разлук их любовь наконец привела к счастливому исходу.

В последующие более чем сорок лет они всё так же спорили и препирались, но любили друг друга неизменно. Они шли рука об руку до самого конца жизни.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/26901/3278049>